

Айтматов

1984 / IX

89

ПРАВДА

1984, 18 сент

ЗЕМЛЯ И ПТИЦА ВДОХНОВЕНИЯ

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

Давно ловлю себя на мысли, что в нашем профессиональном сознании существует какое-то неизбежное пристрастие ничтоже сумняшеся объявлять всякое зачарованное нас новшество в культуре чуть ли не откровением, начинающим все как бы с нуля.

И отсюда появление в литературно-критическом обиходе множества разных «измов», новоизобретенных терминов, которыми пытаются внушительно обозначить, а то и объяснить природу и сущность этих вещей. Здесь и «магический реализм», и «мифологический реализм», и «космовидение», и пр. и пр.

На мой взгляд, любое вдохновение исходит в конечном счете от той земли, на которой стоит художник, — от самой реальной действительности, истории и судеб людей, преобразуемых мощной страстью художника, творящего образ мира и с этой целью вовлекающего в силовое поле искусства любые необходимые ему элементы, будь то фольклор, миф, древняя поэзия, новейшие открытия в науке, если они, разумеется, органичны для этого художника, а не знак моды и не повод к подражанию.

Разве новая образность поистине замечательной латиноамериканской прозы не имела своих предтеч? И не только в собственной фольклористике.

Замечу, в нашей отечественной литературе также уже были могучие вхождения в эти сферы необычного, синтетического мировосприятия — Гоголь, Одоевский, Булгаков... Недаром сам Габриэль Гарсия Маркес с гордостью называет своим учителем Толстого. В свою очередь Толстой почитал своими предшественниками древних греков.

О чем это говорит? О том, что процесс зарождения и становления «мировой литературы», хотя сам термин возник значительно позднее, идет испокон веков. И все мы, созна-

вая это или нет, находимся в едином круге общечеловеческого взаимодействия.

Но при этом у каждого значительного художника — «своя» эпоха, своя стихия произрастания, своя неповторимая судьба, которая и есть та самая птица вдохновения.

Подчас можно и в самом деле поверить, что судьба, подобно компьютеру, обладает способностью безошибочного вычисления некоей искомой величины из большого и запутанного множества аналогов.

В канун первой мировой войны в одном из городков Украины начал учительствовать некий молодой романтический человек, выходец из крестьян. Надо полагать, таких начинающих учителей из низов и тоже романтиков по-своему в ту пору было немало по городам и весям предвоенной Европы. Но именно ему, до наивности кристально-чистой, неуемной натуре, порывающейся от полноты чувств и желаний дерзать и действовать, но еще не знающей толком, куда и как приложить свои силы, чтобы выразить себя и что-то сказать другим, судьба предопределила возвышенное будущее на ниве никем тогда всерьез не воспринимаемого, потешного искусства — кинематографа.

Возникнув в начале века в ярмарочной стихии, как чудо ожившей фотографии, кино испытывало острую потребность в своих беззаветно преданных апостолах, в своих родоначальниках, коим надлежало пробывать в той суеде и ажиотаже дорогу к вершинам самого всеохватного массового зрелища. На Довженко судьба указала перстом, точно угадав в нем недоуменный характер, помноженный на вулканический творческий потенциал, коренящийся в украинском эпосе, вскормившем немало выдающихся художников Отечества, и революционности народных масс. То, что это складывалось именно так, то, что это были

два генетических начала одного явления, потом будет полностью подтверждено временем и жизнью.

А судьба та оказалась Октябрьской революцией, оплодотворившей вдохновение целой плеяды первопроходцев новой культуры, будущих отцов советской многонациональной литературы и искусства.

Подобно Маяковскому, при поразительном сходстве бунтующих темпераментов, Довженко как художник и как личность порожден в недрах социалистической революции. В этом смысле Маяковский и Довженко послужили равносущими опорами одного и того же моста и по степени величия духа, по накалу страстей и революционной одержимости оказались равнозначны, как равнодействующие силы единого движения. Тут, как в физике, сумма равнодействующих определяет силу скорости. И оба они, революцией призванные, сгорали на тех сверхвысоких скоростях, как сгорают ослепительно летящие метеориты среди звездного небосклона...

Но вот настало время перевести дух, проследить те пути, что по мере удаления во времени становятся легендарными.

В эти дни мы отмечаем уже 90-летие от рождения Александра Петровича Довженко...

Как известно, время идет, и все перерастает себя и изменяется, но в искусстве достигнутые вершины не отменяются, не превосходятся, они остаются самими собой. Наука же стоит на том, что каждый достигнутый результат назавтра перекрывается новым высшим результатом, и в том непрекращающийся прогресс науки.

Нельзя стать Толстым, перешагнув Толстого. Может быть, иные из нас и стараются, что ж, попытка — не пытка. Если можешь встать на ту высоту, пожалуйста, — попы-

тайся... Но сам Толстой непревзойден. Так же, как невозможно превзойти Пушкина, Достоевского, Горького... Это все автономные континенты, неповторяемые миры духа.

В кино то же самое, хотя и есть известная доля эфемерности этого искусства, я говорю о большом кино, а не о повседневном; но и здесь, теперь уже можно смело сказать, по истечении известного испытательного срока, существуют свои долговечные миры, вошедшие в себя нашу недавнюю и сегодняшнюю действительность, наш социальный и духовный опыт, черты и облик народа, дерзнувшего на самый крупный и смелый шаг во всей истории человечества — на построение социализма.

Довженко и есть тот, один из дарованных нам умов и художников, который силой своего таланта сказал о нашей жизни неумиряющее и нетускнеющее слово правды.

Говоря о творчестве Довженко, нельзя ограничиться лишь рамками советского кино, хотя он обращался к тематике сугубо советской или, более того, лишь украинской, или лишь к тому, что он создал сам, собственноручно...

Сделанное им, как айсберг, — оно таит в себе гораздо большее, чем это может показаться на первый взгляд...

Такова всякий раз многообъемлющая и многосложная суть подлинно великого мастера: он говорит о камне, а сказано о горе, он говорит о хуторе, а сказано о планете, он говорит об одном дне, а сказано о целой эпохе.

Но выразить сущность вещей подобным образом возможно лишь в реакторе революционных обобщений образа и мысли. Довженко как раз и был тем мыслителем-реактором, которому мы обязаны захватывающими дух эпическими обобщениями в кино великого бурного времени.

Творчество Довженко наряду с такими же крупными именами советского кино и литературы служило как бы высшей шкалой художественного измерения духовного состояния народа на фоне мировой действительности.

Такова была сила его мысли и образов, почерпнутых из реальной жизни той поры. Но и при этом далеко не сразу и далеко не все из современников распознают природу таких крупных обобщений и устремлений художника углубить космос диалектики в изображении жизни, потому что всегда сильна инерция окружения, тяготеющего во все времена к упрошенности, к сусальности, поэтому еще, что далеко не всегда удается даже в эпически масштабных произведениях исчерпать волнующие и терзающие нас проблемы бытия, утолить вечно ненасытную жажду в утверждении справедливости и познании красоты, ибо одни проблемы, затронутые достаточно глубоко, вызывают вслед за собой другие, потому что жизнь народа нескончаема, и потому всегда кажется, что многое осталось еще недосказанным, что где-то там, на горизонте, приткрылось новое видение — еще более заманчивое или тревожное и лишь теперь распознаваемое, и об этом надо успеть сказать и пережить все это нутром, будь то трагедия или комедия человеческая. Не потому ли Довженко сетовал на себя, говоря: «Очевидно, какая-то доля познания мудрости говорит сознанию — как же мало все-таки сделал, как многому нужно учиться и как много думать и знать, а не только чувствовать, чтобы достичь полной ясности изображений...»

Но и при этой предельной требовательности Довженко к себе не все замыслы, не все написанные и разработанные им к съемкам киносценарии смогли быть реализованными. А это достойно сожаления, да-

же спустя столько лет. Пора нам думать и о таких сторонах жизни, ибо всему свое время, время жить и время уходить: продлить внутри времени время полезного действия творца — вот к чему нам надо стремиться в содействии и руководстве искусством.

Что касается соотношения и взаимовлияния литературы и кино в творчестве Довженко, то это особая тема разговора. Каждый вступающий в мир кинематографа, будь то литератор, режиссер, исполнитель, должен, по моему убеждению, попытаться постичь, познать доженковскую стихию пера и режиссерского видения. Уникальная доженковская литература на стыке двух искусств говорит об очень многом. Возможно, такое сопряжение литературы и экрана есть одна из глобальных тенденций развития современного мирового кинематографа, все больше склоняющегося в лучших своих проявлениях к искусству мысли, соединению, к синтезу с литературой, с ее проблематикой и охватом жизненных явлений, и эта все более возобладающая тенденция союза с мыслящей литературой, идущая от зрелого Довженко, принципиально противоположна всеопшляющей голливудской киноиндустрии и вообще всей буржуазной массовой культуре.

Говоря о Довженко, невозможно не сказать еще о нем как о ярком выразителе национальной культуры, национальной поэтики и национального образа мышления. Но пафос его в том, что, будучи глубоко национальным, украинским художником, Довженко, по сути и социальному содержанию творчества ратовавший за все советское, за все то, что объединило и скрепило нас как первую в мире многонациональную социалистическую общность, был и остается носителем идей интернационализма. Он принадлежит всем и всему,

что украшает наши народы в их самобытности и достоинстве содружества.

По моим наблюдениям, в значительной мере и зарубежным, ныне само понятие национальных культур как таковых, наиболее действенно и ярко проявляющих себя на поприще искусств и литературы XX века, связано прежде всего и главным образом с советскими национальными культурами.

Это признают все — и друзья, и недруги, в этом смысле к нам обращены взоры всей мировой художественной интеллигенции, как к феномену универсального значения. Кто мог прежде предполагать о существовании профессиональных казахской, аварской или, скажем, самой малой балкарской литератур? Кто может ныне отрицать место таких общепризнанных имен, как Ауэзов, Гамзатов, Кулиев, в мировой литературе наших дней?

Совершенно актуальная задача, по-моему, состоит сейчас в том, чтобы опыт наших театральных, музыкальных, живописных искусств, выражающих самобытность и уникальность национальных культур, был бы осмыслен и обобщен в научных и популярных трудах, рассчитанных на международную аудиторию.

Я говорю об этом потому, что у себя дома не все ценимо, что привычно, мы не всегда проникаемся сознанием того, что внутренняя связь и взаимодействие национальных культур в стране есть уникальный исторический процесс, есть общезначимое достояние, это тот вклад, который мы вносим в общечеловеческую сокровищницу духовных ценностей.

Птица вдохновения возносит дух художника лишь тогда, когда он прочно стоит на своей земле — на почве реальной действительности. Возможно, совсем не случайно существует киргизская пословица: «Яйцо, лежащее на земле, воспарит птицей в небо, но и та птица вернется на землю».

Чингиз АЙТМАТОВ.

Народный писатель Киргизии, академик Европейской академии наук, искусств и литературы.